

Неувядающая жизненность и перспективность данной философии образования и воспитания заключается в глубоком и всестороннем взаимодействии с социальной и общей философией, другими философскими дисциплинами и науками, исследующими реальные, а не искаженные жизненные процессы, во взаимодействии с практикой, в стремлении к истине, к критически-конструктивному и эволюционно-революционному решению неотложных для народов проблем и задач образования и воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аллак Ж.** Вклад в будущее: приоритеты образования. – М. : Педагогика – Пресс; ЮНЕСКО, Междунар. ин-т планирования образования. 1993.
2. **Гершунский Б. С.** Философия образования. – М. 1999.
3. **Жуков В. И.** Социальная политика и социальное образование в России. – М. : Изд-во МГСУ «Союз», 1998.
4. **Зиновьев А. А.** Постсоветизм. Вечерняя лекция, прочитанная на IV РФК (Новосибирск, 24–28 мая 2005 г.) // Философия образования. – 2006. – № 2 (16). – С. 3–11.
5. **Наливайко Н. В., Паршиков В. И.** Философия образования как объект комплексного исследования : монограф. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. – 192 с.
6. **Наливайко Н. В.** Актуализация проблем специфики развития отечественного образования // Философия образования. – 2006. – № 2 (16). – С. 27–31.
7. **Казначеев В. П.** Здоровье нации. Просвещение. Образование. – М., 1996.
8. **Штомка, Й.** Социология социальных изменений : пер. с англ. / под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996.
9. **Creemers V. P.** The effective classroom. – London, 1994.
10. **Dave R. H.** Foundation of Lifelong Education. – Oxford : Press UNESCO, 1976. – 328 p.
11. **Mondale S.** History of american public education. – N.-Y., 2000. – 437 p.

УДК 316.3/4

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: МИФОЛОГИЗМ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

С. А. Яровенко (Красноярск)

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций становления теоретических и методологических установок современного социогуманитарного познания и обоснованию их мифологизированного характера. Социогуманитарное знание и его теоретические и методологические установки мифологичны потому, что теоретические конструкты социальной действительности воспринимаются онтологично, субстанциально, то есть изучается не сама действительность, а принятый за реальность ее образ, который оформляется из мифологизирующих усилий сознательного и спонтанного конструирующего воздействия на нее. В качестве аргументов мифологичной природы социогуманитарного

Яровенко Светлана Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета. 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 82.
E-mail: yarmyth@mail.ru

знания представлены: мультипарадигмальность социально-гуманитарной теории, стремление каждой из парадигм к абсолютизации, личный характер любых исследовательских установок, интерпретативный характер познания и др.

Ключевые слова: установки социогуманитарного познания, социальная реальность, мультипарадигмальность социогуманитарной теории, мифоконструирование, демифологизация, сциентизм, антисциентизм.

MODERN SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: MYTHOLOGY OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL TENETS

S. A. Yarovenko (Krasnoyarsk)

The article is devoted to consideration of the basic tendencies of the formation of theoretical and methodological tenets of modern socio-humanitarian knowledge and substantiation of their mythological character. As some arguments of the mythological nature of the components of socio-humanitarian knowledge, there are presented: plurality of socio-humanitarian theory, aspiration of each paradigm to being absolute, synthesis of cognitive tendencies, personal character of any research tenets, interpretive character of knowledge, etc.

Key words: socio-humanitarian discourse, tenets of socio-humanitarian knowledge, social validity, social reality, multiparadigmatic character of socio-humanitarian theory, myth designing, demythologization, scientism, anti-scientism.

Установки социально-философского познания являются мировоззренческим и методологическим основанием, парадигмальным базисом не только для разделов общеполитической теории, ориентированной на исследование феноменов социогуманитарной сферы (философия культуры, философия истории, философия религии, философская антропология и др.), но и для социогуманитарных исследований, претендующих на статус научных концептуализаций, таких как социология, культурология, религиоведение, социальная психология и т. д., что позволяет рассматривать установки социогуманитарного познания как заданные, в предельных своих положениях, социальной философией как метатеорией.

Осмысление многообразных теоретических конструктов и методологических программ в современной ситуации сосуществования и взаимодействия множества парадигм и теоретико-методологических установок в социогуманитарном познании возможно только с позиций метатеории, каковой и является социальная философия, усматривающая целостную картину действительности в плюральном многообразии парадигм, теорий, методов, установок. «Изнутри» односторонних, мифологичных позиций, каждая из которых самопозиционирует себя в качестве единственно верного, адекватного образа социальной действительности, такая целостная рефлексия невозможна. Даже признавая невозможность тотальной демифологизации, именно социально-философской теории необходимо отдать предпочтение в возможности более отстраненно-рефлексивного осмысления ситуации в современном социогуманитарном познании.

Проблематичность современного социогуманитарного познания задается ситуацией его мультипарадигмальности, которая является нормой в

рамках легитимированного плюрализма постклассической культуры. Следовательно, амбивалентность установок социогуманитарного познания неизбежна и, в определенном смысле, позитивна. Монопарадигмальность и всеобщее единодушие в интерпретации социальной действительности гораздо менее эвристичны, чем плюрализм и даже эклектика теоретических и методологических установок. Оценка этой ситуации мультипарадигмальности в социогуманитарном дискурсе сама является неизбежно амбивалентной [7–10].

Так, к примеру, В. И. Курбатов убежден, что каждый из социологических подходов, претендующих на единственное правильное видение социальной действительности, выступая единственной альтернативой всем остальным подходам, на самом деле является некой виртуальностью, то есть одним из возможных способов объяснения социального мира. Соответственно, вся современная социология выступает как спектр равноценных интеллигибельных виртуальностей [6, с. 7–8].

Позиция человека как субъекта социогуманитарного познания априорно проблематична в силу того, что он является одновременно и объектом познания. И эта недостижимость субъект-объектного «отстранения» ставит под вопрос возможность реализации «объективности познания» как аксиологического критерия классической науки, для которой принципиальное несовпадение субъекта и объекта познания, необходимость элиминации субъекта за пределы изучаемой реальности выражалось в требовании смотреть на мир глазами Бога, с позиции трансцендентной познаваемого миру миру системы координат.

Переосмысление критериев и идеалов классической научности привело к осознанию принципиальной невозможности дистанцирования, вынесения человека за пределы познавательной ситуации. Соответственно, следующим шагом в понимании специфики социогуманитарного познания стало осмысление неизбежности субъективного мифоконструирования социальной реальности и обратного воздействия этих мифоконструктов на процесс познания социальной действительности.

Таким образом, в социальном познании проблематизируется и сама возможность соответствия теоретических и методологических построений социальной действительности. В современной теоретической рефлексии социального познания нашла выражение идея, что социальные концепты не столько «отражают», воспроизводят социальную действительность, сколько ее, собственно, непосредственно конструируют. Это связано с неизбежностью субъективности познания и оперирования интерпретативным материалом. Эта мысль обоснована в истории философии в традициях Канта, Шопенгауэра, Гуссерля и других, разворачивающих совокупность тезисов: «Без субъекта нет объекта», «Мир как представление», «Предмет как коррелят сознания». Однако в социальной сфере реально действуют не трансцендентальные субъекты познания, а субъекты как продукты интерпелляции, как социализированные субъекты, чьи возможности познания социальной действительности детерминированы метатеорией социального, принимаемой данными субъектами за саму социальную действительность. Исходя из исторически и социокультурно «предзаданных» категорий понимания действительности, социальные субъекты имен-

но в пределах этого понимания интерпретируют социальную действительность. В результате рождается неизбежно мифологизированная субъективная интерпретация «объективных» для познающего субъекта представлений о мире (метатеорий), которые неререфлексивно идентифицируются с самим реальным социальным бытием. За изучаемую реальность принимается «отраженный свет» гипостазированных социальных теоретических конструктов, которые и подлежат интерпретации. Таким образом, социогуманитарное знание и его теоретические и методологические установки мифологичны, потому что «фон» теоретических конструктов реальности воспринимается онтологично, субстанциально, то есть изучается не сама действительность, а принятый за реальность ее образ, который оформился из мифологизирующих усилий сознательного и спонтанного конструирующего воздействия на нее. Тем самым основу познавательных установок в социогуманитарной сфере составляют интерпретации метаинтерпретаций (метаконструктов) социальной действительности.

Мифологичным является не только оформление, но и функционирование установок социального познания, поскольку сама социальная действительность понимается субъектами познания как субстанциально тождественная, идентичная ее мифологизированным конструктам. Искажающее воздействие на восприятие социальной действительности теоретических (идеологических) построений великолепно демонстрируется в трудах С. Жижека, посвященных природе идеологической инверсивности. По его определению, идеология является фантазматической конструкцией. Ее функция состоит не в том, чтобы предложить способ укрыться от невыносимой действительности, а в том, чтобы «представить саму социальную действительность как укрытие от некоей травматической, реальной сущности». Успешность идеологии зависит от того, в какой мере она «не позволяет увидеть противоречия между предлагаемыми ею конструкциями и действительностью» [4, с. 52, 56].

Исследование социальной действительности всегда осложняется тем, что сам исследователь, существуя в определенном месте и в определенное время, принадлежит изучаемому объекту, не может быть ему внеположен. Социальная действительность для социального субъекта представляется, по убеждению автора работы «Конструирование социального мифа: интерпассивность воображаемого сообщества» О. Бушмакиной, как воображаемый мыслительный конструкт, с которым он впоследствии имеет дело как с социальным объектом. Соответственно, в категориях О. Бушмакиной, *социальная действительность* определяется как *социальная реальность*, то есть мысленный конструированный объект. Социальная реальность конструируется как пространство воображаемого и осуществляется в тождестве субъективного и объективного, поскольку социальное оказывается одновременно и познающим субъектом и познаваемым объектом. В случае отсутствия саморефлексии (как в ситуации мифологизации, идеологизации) социальный субъект становится индивидом, а социальная реальность (как мыслительный конструкт, рабочая теоретическая модель социальной действительности) отождествляется с социальной действительностью. Происходит «овеществление» социальной реальности, ее эссенциализация. Слово и вещь отождествляются, возникает социальный миф

или миф о социальной действительности [2, с. 33–35].

Для человека, может быть, в целом непринципиальна подлинность онтологического статуса окружающей его действительности, поскольку реальность виртуальная имеет не меньшую аксиологическую значимость, чем реальность актуальная. К тому же люди склонны зачастую не видеть различия между ними. Можно вспомнить афоризм Уильяма Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям».

Естественно, что понимание мифа как искусственного конструкта (а не как онтологической актуальной реальности), наименование мифа «мифом» означает демистификацию, демифологизацию, разоблачение мифа. Миф воздействует как *миф* только в том случае, если он воспринимается как актуальная реальность, естественный и необходимый порядок мира. Как отмечает Р. Барт, миф чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, поскольку всякая идеология стремится к тому, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо единственно верное) его изображение, то есть как нечто «естественное», «само собой разумеющееся». Миф стремится выглядеть не «продуктом культуры», а «явлением природы» [1, с. 291].

Разумеется, социогуманитарное познание не является приоритетным полем мифоконструирования, в определенном смысле любое знание – мифологично. В силу имманентности механизмов мифовосприятия человеческой ментальности мифологическое сознание самодостаточно и безотносительно, индифферентно к демифологизирующим и ремифологизирующим культурным установкам, константно и актуально, но «неявно», «ненасильственно», нерефлексивно характеризует мировосприятие любой культурной эпохи, что вполне естественно для функционирования мифосознания как универсального контекста мировосприятия. В современной познавательной парадигме сформировалась установка понимания имманентной мифичности любых дискурсов, поскольку признание тотальности мифа как культурного феномена, обоснованное в современной философии мифа, «упраздняет» антиномию «мифологичное» – «немифологичное» и заменяет ее антиномией «этот миф» – «иной миф» [5, с. 204]. Имманентная мифичность любых дискурсов обоснована не экстраполятивной радикально-панмифологической установкой «все есть миф», а принятой на основе феноменологической методологии установкой «все внутри мифа».

Мифологизм установок социогуманитарного познания обусловлен стремлением к абсолютизации и онтологизации, объективации теоретических моделей человека, общества, культуры, истории и т.д.

Следствием мультипарадигмальности социальной теории является эклектизм образа социальной действительности, сосуществование альтернативных теоретических и методологических установок, характеризующихся имманентной мифологичностью. Этот мифологизм, по определению В. И. Курбатова, сопряжен со стремлением к монологичности, когда каждая из теорий претендует на роль единственной, исключительной, истинной концептуализации социальной действительности. Условно-целостный, многоаспектный образ социальной действительности редуцирует

ся к некой доминирующей характеристике, которая в противовес всем остальным характеристикам социального бытия полагается единственной детерминантой социального развития [6]. Такая монофакторная односторонность, как, например, в общеизвестных концепциях географического, биологического, психологического, экономического, техницистского детерминизма, и является основой мифологизации социальной теории, для которой характерна безальтернативная абсолютизация какой-либо черты, свойства, характеристики, части целого. Принцип отождествления части и целого – типичное свойство мифологического сознания. Когда некий отдельный аспект, отдельная сторона, фактор, часть репрезентирует целое, мы имеем дело с мифом. И если обратиться к рассмотрению конкретных теоретических и методологических установок социогуманитарного познания, можно зафиксировать общую тенденцию к мифологизации, подкрепленную преимущественно бинарно-оппозиционной, дихотомической расстановкой акцентов в объяснительных теоретических моделях. Таковы «рационализм» и «иррационализм», «объективизм» и «субъективизм», «сциентизм» и «антисциентизм», «детерминизм» и «индетерминизм», «индивидуализм» и «коллективизм» и т. д.

Взаимосоотносимое функционирование данных антитез, и вообще любых противоречивых тенденций в теоретическом исследовании, сопряжено с поиском гармоничной целостности, исчерпывающей полноты (что само по себе является мифологизирующей установкой в силу стремления к реализации гармонизирующего потенциала мифа). Контрарные объяснительные модели монологично существуют в своей неизбежной гипертрофированной односторонности, описывая лишь один срез противоречивого социального бытия как единственно возможный, истинный, адекватный. Однако доминирование, акцентация одной из сторон противоречивого отношения инспирирует необходимость ее диалектической компенсации. Отраден тот факт, что односторонность той или иной детерминанты может быть дополнена, пусть даже такой же односторонней, своей противоположностью. Этот процесс можно рассматривать как своеобразную диалектику внутри мифа. Как сама история человеческого общества, культуры движутся в рамках процесса маятниковых колебаний, поочередной смены процессов демифологизации и ремифологизации, так и вышеперечисленные антитезы аналогично демифологизируют друг друга, будучи, каждая в отдельности, мифом. Сциентизм – миф науки; антисциентизм – ее демифологизация, и одновременная мифологизация, абсолютизация сферы вненаучного знания и его возможностей. Детерминизм – миф тотальной причинности; индетерминизм – ее демифологизация, и одновременно, – мифологизация, абсолютизация случайного, спонтанного, внекаузального и т. д.

Имеющая место ситуация методологического дуализма номологической и идиографической парадигм, установок натурцентризма (натурализма) и культурцентризма, методов «объяснения» и «понимания» тяготеет к синтезу, ищет своего гармоничного разрешения и находит его в идеях коммуникации, диалогичности. Тем самым наряду с процессом противоборства монологичных теоретических концептов, в ситуации взаимодействия множества противоречивых, дихотомичных моделей социальной действительности можно фиксировать синтетическую тенденцию, уста-

новку на преодоление этой оппозиционной противонаправленности, порождающую новые синтетические мифоконструкты. Необходимо отметить, что сама эта синтетическая установка парадоксальным образом мифологична в своей основе, и дело даже не в исконной синкретично-синтетичной природе мифологического мировидения. В социогуманитарной теории синтез противоположного (категорически запрещенный в формально-логическом видении действительности: A&B – невозможно, неверно, не могут быть одновременно истинными, что зафиксировано еще в аристотелевском законе запрещения противоречия) стремится выглядеть максимально гармонично, неэклетично, то есть диалектично, естественно соединяя, гармонизируя противоположные компоненты (номологизм и идиографизм, натурализм и культурцентризм, методологический объективизм и методологический индивидуализм, социальный реализм и социальный номинализм, социологизм и социальный атомизм и др.). Диалектическая логика, в отличие от логики формальной, не только приемлет единство противоположного, их синтез, но и рассматривает противоречие как энергетический источник развития. Миф, который абсолютно безболезненно приемлет противоречие, спонтанно, естественно и гармонично его «усредняет», является, бесспорно, диалектичным способом мировосприятия. Характеризуя синтетический, гармонизирующий потенциал мифа, А. В. Гулыга определяет логическую структуру мифа как диалектическую: «Антитеза мифа – рассудочное сознание (и формальная логика с ее запретом противоречия). Диалектика, включающая противоречие в систему знания, стремящаяся к конкретности, цельности, воспроизводит на высшем этапе некоторые черты, характерные для мифомышления. Формальная логика – отрицание мифа, диалектика – отрицание отрицания» [3, с. 273–274]. Миф является механизмом отождествления противоположных дуальных характеристик мира, теоретических и методологических установок и парадигм, синтезирующим их основанием. Нерефлексивное стремление мифа к гармонизации, объединению того, что дихотомично, бинарно разорвано, позволяет усмотреть в синтетических установках современной социогуманитарной теории действие мифологизирующих механизмов.

Рефлексивный, рационально-логический путь усреднения, соединения практически несоединимого в одном теоретическом и методологическом пространстве, крайне сложен. Это путь мучительного компромисса, постоянного нарушения паритета и, в конечном итоге, превалирование одного из компонентов синтеза за счет другого. Мифологический путь синтеза более «безболезнен» в силу «нечувствительности» мифа к противоречию: просто два мифа сливаются в один – третий. В качестве примеров такого мифогенного синтеза можно рассматривать построения Франфуртской социологической школы, которую идентифицируют как традицию «фрейдомарксизма»; неоклассицистскую концепцию Т. Парсонса; теорию П. Бурдьё, стремящегося освободить социальную теорию от односторонности выбора между позициями реализма и номинализма, объективизма и субъективизма (физикализма и психологизма) и др.

Современные социальные теории сами рефлексивно фиксируют мифологизм установок как самого социокультурного бытия, так и установок

социогуманитарного познания. Так, Ж. Бодрийяр убежден, что человека окружает универсум знаков, абсолютное большинство из которых – «сблуживающие», «сворачивающие» фальшивки («симулякры»), подменяющие истинные смыслы и подлинные ценности. Симулякры, оторвавшиеся от своих первооснов, активно формируют современное массовое сознание, существующее в мире квазисмыслов и квазиценностей. Симулякры, которыми живет масса, создают вокруг нее гиперреальность, где все преувеличено, мифологизировано. П. Бурдьё вводит в современную социальную теорию понятие символического насилия, которое предполагает «незнание о незнании» как оптимальную позицию «живущих в мифе» (термин автора концепции «мифодизайна» А. Ульяновского). Для системы власти наиболее предпочтительным является бессознательное, дорефлексивное принятие людьми навязываемых им нормативно-ценностных стереотипов, господство упрощенных, искаженных, мифологизированных представлений о сущем и должном, необходимом и запретном.

Поиск истины не признается высшей познавательной ценностью. Так, американский философ-неопрагматик Р. Рорти полагает, что претензии науки на статус парадигмы человеческой деятельности не оправданы. Согласно Рорти, «истинной» можно назвать лишь такую теорию, которая помогает нам «управляться с окружением». Истина – это скорее то, во что нам удобнее верить, нежели точное изображение реальности.

Итак, мифологизм социогуманитарного познания обусловлен взаимодействием контрарных методологических установок, которые для обоснования, акцентации собственной позиции, в противовес своему антиподу абсолютизируют определенные стороны социального бытия, тем самым мифологизируя его. Мифологизм данных познавательных установок связан со стремлением каждого их многочисленных социальных концептов представлять себя в качестве единственного истинного образа действительности. Кроме того, неререфлексивное восприятие мифологичных конструкций, стремящихся к онтологическому самопозиционированию, приводит к отождествлению теоретических конструкций и самой социальной действительности, что делает возможность демифологизации социального бытия еще более иллюзорной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт Р.** Миф сегодня ; пер с франц., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М. : Академический Проект, 2008. – 351 с.
2. **Бушмакина О.** Конструирование социального мифа : интерпассивность воображаемого сообщества // Бренное и вечное : политические и социокультурные сценарии современного мифа : материалы науч. конф. (11–12 окт. 2005 г.). – Великий Новгород : НовГУ, 2005. – 262 с. – С. 33–35.
3. **Гулыга А. В.** Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. – М. : Наука, 1985. – 344 с.
4. **Жижек С.** Возвышенный объект идеологии. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.
5. **Карлова О. А.** Mythos sapiens – миф разумный. – М. : Академия поэзии ; Московский писатель, 2001. – 208 с.
6. **Курбатов В. И.** Современная западная социология : Аналитический обзор концепций : учеб. пособие. – Ростов н/Д. : Феникс, 2001. – 416 с.

7. Майорова М. И. Гносеология социального моделирования // Философия образования. – 2008. – № 1. – С. 20–23.
8. Павловский В. В. Социогуманитарные науки и новый реальный гуманизм : к вопросу их сосуществования // Философия образования. – 2009. – № 1. – С. 264–270.
9. Цейзер Е. Л. Некоторые аспекты формирования картины реальности в контексте неклассической парадигмы // Философия образования. – 2008. – № 3. – С. 48–52.
10. Яровенко С. А. Сциентизм и антисциентизм в социогуманитарном познании как механизмы мифологизации и демифологизации науки // Актуальные проблемы философии социально-гуманитарных наук : материалы науч. конф. (20–28 марта 2008 г.). – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АСПН, 2008. – С. 240–243.

УДК 37.0 + 316.7 + 070

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Юмашева (Барнаул)

Цель статьи – исследовать направление эволюции медиаобразования в России, в частности самодеятельной детско-юношеской журналистики, задача – проследить изменения в саморефлексии этой сферы образования: трансформацию ценностно-смысловых доминант в сознании медиапедагогов. Автором было осуществлено самостоятельное исследование, проведенное в два этапа с интервалом в десять лет. В результате анкетирования и последующего сравнительно-исторического анализа результатов было выявлено движение от гуманистической модели воспитательной деятельности к прагматической, снижение эффективности диалога между медиапедагогами и юными журналистами в процессе создания самодеятельных детско-юношеских СМИ.

Ключевые слова: журналистика, медиапедагоги, самодеятельные детско-юношеские издания, социальные функции, ценностно-смысловые доминанты, средства массовой информации.

MEDIA-EDUCATION IN THE CONTEXT OF FORMATION OF A HUMANISTIC MODEL OF THE UPBRINGING ACTIVITY

N. V. Yumasheva (Barnaul)

The article has the purpose to investigate the direction of evolution of media-education in Russia, in particular, the amateur kids and teens journalism. First of all, there is a problem to track the changes in the self-reflection of this educational sphere: the transformation of the value-semantic dominants in the consciousness of media teachers. The author undertook independent research

Юмашева Наталья Владимировна – соискатель кафедры философии Алтайской государственной педагогической академии.
656031, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55.
E-mail: umna@inbox.ru